

Гу Шиюнь внезапно стал очень агрессивным. Ши Цзянь задумался.

Школьный врач подошел к нему и помог ему лечь на операционный стол. Он осторожно прижал щеки Ши Цзяня, чтобы открыть ему рот, осмотрел его, а затем прослушал сердце. После предварительного осмотра он успокоил его: «Не волнуйтесь, ничего серьезного. Это реакция на стресс от внезапных интенсивных нагрузок, к которым ваше тело не привыкло. Постепенное увеличение нагрузки поможет вам снизить чувствительность. Если вы боитесь, что вас снова стошнит, попробуйте в будущем есть после утренней тренировки; это облегчит нагрузку на желудок».

«Кроме того, не забывайте разминаться и растягиваться до и после тренировки, особенно перед бегом на длинные дистанции».

Ши Цзянь кивнул. Медик сжал его икру и добавил: «Кстати, с эстетической точки зрения студента-медика, линии вашего тела идеально соответствуют золотому сечению, а это значит, что большинство людей найдут вас исключительно приятным для глаз. Я просто констатирую факт, не смотрите на меня так».

После слов медика Ши Цзянь взглянул в сторону кровати, и его глаза встретились с глазами Гу Шиюня. На мгновение оба были слегка ошеломлены.

Гу Шиюнь оправился первым и низким голосом, с ноткой предупреждения, обратился к медику: «Правило 10, пункт 1 правил управления кампусом: школьным медикам запрещается помогать курсантов. Любое нарушение приведет к немедленному отстранению от работы, расследованию и передаче дела в судебные органы».

«Ты что, не понимаешь шуток?! Не будь таким ревнивым!» Нежный медик внезапно взорвался, отскочив назад, как от чумы, и бросил на Ши Цзяня скорбный, обиженный взгляд.

«... Я думаю, у меня на подошвах ног появились мозоли. Больно», — быстро вставил Ши Цзянь, сняв напряжение.

Ши Цзянь подумал, что Гу Шиюнь слишком чувствителен. Он легко мог отличить шуточные подшучивания медика от вульгарных насмешек других курсантов. Однако он должен был признать, что Гу Шиюнь, которому было поручено заботиться о нем, действительно был удивительно щепетильным.

Поэтому он слегка кивнул в сторону Гу Шиюня и мягко улыбнулся.

«...» Гу Шиюнь замолчал, его кадык подпрыгнул, когда он с трудом сглотнул.

Медик посмотрел на них, несколько раз щелкнув языком. Затем он снял с Ши Цзяня обувь и носки, осмотрел его ноги и пошел стерилизовать инструменты. «У вас несколько мозолей от трения. Я прокалю их и нанесу противовоспалительный порошок. Это может немного щипать, так что постарайтесь терпеть».

Ши Цзянь глубоко вздохнул, морально настроившись, но острый укол иглы все же вызвало у него приглушенный стон. Когда порошок коснулся раны, его мышцы напряглись, руки крепко сжали боковые поручни, а тонкая шея выгнулась в напряженной борьбе.

От боли в глазах Ши Цзяня навернулись слезы, и он крепко прикусил нижнюю губу, не желая издавать ни звука.

Но вдруг протянулся палец, силой разжав его губы и зубы, как будто давали лекарство кошке, и остановился между его верхними и нижними зубами.

Незнакомое прикосновение кожи вызвало слабое электрическое покалывание на губах Ши Цзяня, и его сердце затрепетало в ответ. Инстинктивно он коснулся пальца клыками, прикусив его и почувствовав вкус кожи.

«Не кусай губу».

«У тебя очень красивые губы, как розовые розы. Было бы жалко их кусать».

Глубокий, низкий, магнетический мужской голос прозвучал сверху. Ши Цзянь замер, удивленно глядя на молодого человека в форме.

С точки зрения Гу Шиюня, мальчик был еще молод, его тонкие черты лица сохраняли оттенок детскости. Его большие, поднятые вверх голубые глаза напоминали прозрачные стеклянные шарики, мерцающие кристальной влагой, как будто при их движении слышался шум разбивающихся волн.

Его нос был прямым и гладким, в отличие от носа Гу Шиюня, у которого был небольшой горбик у переносицы. Его кожа была нежной, как белый фарфор, словно увлажненная дождем, что делало его глаза еще более голубыми, а тонкие губы — еще более красными.

Его жемчужно-белые зубы, похожие на ракушки, покусывали палец Гу Шиюня. Сквозь перчатку он почувствовал покалывание от нежного прикосновения зубов — влажных, теплых и несущих слабый, неуловимый аромат.

Влажный язык прижался к его кончику пальца, и сквозь плотно сомкнутые белые зубы слабо проглядывал оттенок яркого, влажного красного.

Так красиво.

После возвращения Гу Шиюнь провел несколько ночей, интенсивно просматривая форумы школы в поисках советов о том, как правильно делать комплименты. Популярные ответы предлагали такие книги, как «Искусство языка», «Мастера EQ учат вас, как взаимодействовать с другими», «Как общаются альфа-личности с высоким EQ», «Искусство разговора с высоким EQ» и «Почему омеги любят «сладкие речи»». Некоторые полезные выпускники даже прислали ему ссылки на курсы, которые он добросовестно прошел. Он даже несколько раз попрактиковался перед зеркалом, думая, что базовых навыков общения будет достаточно. Однако, когда он действительно оказался в ситуации личного разговора, он все равно не смог идеально выразить свои истинные мысли.

Все тщательно изученные техники и фразы исчезли в тот момент, когда он увидел Ши Цзяня. В голове Гу Шиюня осталась только одна мысль.

Он действительно красив.

Медик, поглощенный своей работой, почувствовал странную атмосферу. Он поднял глаза и увидел палец Гу Шиюня во рту своего пациента, а черная высококачественная кожа блестела от слюны. Эта сцена была столь же провокационной, как начало фильма для взрослых, что заставило его испуганно вскрикнуть и оттолкнуть Гу Шиюня локтем. «Это нормально?! Это же медицинское учреждение, где спасают жизни и лечат раны!»

Взбудораженный Ши Цзянь инстинктивно укусил Гу Шиюня. Тот слегка пошатнулся, его палец пульсировал слабой, тупой болью. Но, по его собственному оценке, крови не было, только небольшой след от зубов.

Ши Цзянь быстро извинился: «Простите, я не хотел».

Гу Шиюнь спрятал руку за спину, сожалея только о том, что в тот день надел перчатки. Сквозь слой кожи каждое ощущение было похоже на почесывание зуда через сапог — возбуждая желание, но так и не достигая удовлетворения, оставляя его в неудобном подвешенном состоянии.

Он покачал головой. «Все в порядке. Ты не сделал мне больно».

Медик, которого, казалось, игнорировали, как воздух, молча злился.

Отношения между А и А приведут к твоему исключению из военной академии! Не мог бы ты не быть таким наглым?!

В ярости он хотел вытащить Гу Шиюна на улицу и обрушить на него поток оскорблений, но телефонный звонок заставил его сдерживать гнев. С кислым выражением лица он бросил Гу Шиюну несколько слов: «Кадет получил травму во время боевой подготовки, я должен пойти разобраться. Жди отчета и уходи. Не смей задерживаться здесь и создавать проблемы, понял?».

Гу Шиюнь кивнул, не обращая внимания на всех, кроме Ши Цзяня.

Медик собрал свою аптечку. Перед уходом он напомнил Ши Цзяню: «Я дал тебе медицинскую справку. Если завтра твоя нога не станет лучше, тебе не нужно идти на утреннюю тренировку. А пока ты можешь отдохнуть в массажном кресле и расслабить мышцы всего тела, чтобы предотвратить рабдомиолиз после интенсивных упражнений».

Ши Цзянь вежливо ответил: «Спасибо».

«Посмотрите на него!» — проворчал медик, уходя с аптечкой.

Когда шаги затихли, Гу Шиюнь нахмурился и сказал Ши Цзяню: «Он слишком шумный».

Ши Цзянь полностью согласился, но тщательно обдумал свои слова. «Доктор довольно ответственный. Возможно, это просто его личный стиль».

Гу Шиюнь пододвинул стул и села рядом с Ши Цзянем. «Я слишком быстро шел по тренировочной площадке и забыл спросить, как у тебя дела, как ты адаптируешься».

Ши Цзянь опустил глаза. После минуты молчания он внезапно сказал: «Я чувствую себя довольно хорошо, мои однокурсники часто мне помогают, и я хорошо адаптируюсь» — это то, что я должен сказать? На самом деле, мой отец позвонил мне и спросил то же самое. Мне очень хотелось рассказать ему, как все ужасно в Первой военной академии, как сильно меня не любят инструкторы и однокурсники, как я не хочу здесь находиться, как я хочу бросить учебу и уехать домой, даже если это означает, что я не поступлю в университет, только бы не оставаться в этом мучительном месте».

Он замолчал, на его лице появилась горькая улыбка. «Но глаза моего отца были полны усталости. Я слышал, как кто-то докладывал о военной разведке на заднем плане, а на воротнике его пальто была темная засохшая кровь. Я догадался, что он позвонил мне сразу после того, как покинул поле боя. Так что... в тот момент мои эмоции были очень сложными, и я вдруг не знал, как рассказать ему все это. По сравнению с тяжелым бременем на его плечах, мои проблемы и обиды незначительны. Говорить о них казалось бы очень незрелым и избалованным. Поэтому я не сказал того, что действительно хотел сказать, а только сказал ему, что все в порядке».

Гу Шиюнь тихо слушал, затем протянул руку и большим пальцем вытер слезу из уголка глаза Ши Цзяня, медленно говоря: «Но у тебя не все в порядке».

Ши Цзянь не ожидал, что его эмоции внезапно обрушатся. Он даже не думал плакать, когда Ю Чен так жестоко издевался над ним раньше, но, возможно, это было потому, что на этот раз кто-то терпеливо слушал его и нежно утешал, что делало его особенно уязвимым.

Он изо всех сил пытался сдержаться, слегка всхлипывая, его голос был окрашен слабым плачем: «Это ужасно... незнакомая обстановка, совершенно отличная от того образования, которое я получил раньше. Другие могут делать то, что я не могу. Альфы, на которых я раньше даже не обращал внимания, теперь могут сделать меня совершенно несчастным, просто выделяя небольшое количество своих феромонов. Каждую ночь я не могу заснуть, смотрю в потолок, перебирая в уме события дня, и каждая деталь кажется мне невероятно унижительной».

«Сначала я хотел устроить несколько сцен, чтобы заставить их отступить, но это только принесло бы неприятности другим невинным людям. Инструктор сказал мне тихо пройти четыре года в военной академии, и я думаю, он прав, потому что что еще я могу сделать?»

Но на самом деле он не мог даже пройти самую базовую утреннюю тренировку. Альфа уровня Е, который никогда не получал систематического обучения, не мог даже контролировать свои феромоны и внезапно дифференцировался, был резко брошен на тренировочную площадку, такую как Первая военная академия. Борьба была объективной реальностью.

Кроме того, личность Ши Цзяня не вызывала особого симпатии. Он был красив, происходил из богатой семьи, с детства был избалован, а до вторичной дифференциации был Омегой класса S, которым все восхищались. Поэтому он был упрямым, высокомерным и вспыльчивым, как надменный лебедь, который смотрел свысока на всех, кроме своей семьи, и не слушал никого. Даже незначительное оскорбление запоминалось им и влекло за собой месть.

Он сам знал, насколько этот характер вызывал бы ненависть без его семейного происхождения и ауры омеги, но он всегда жил так в течение семнадцати лет. Он не хотел и не мог приспособиться к обстоятельствам и стать мягким, добрым, скромным и смиренным.

По мнению Гу Шиюня, Ши Цзянь оказался в тупике в Первой военной академии. Он был новичком, ничего не понимал, отказывался признавать поражение и не мог найти выход. Ему не оставалось ничего другого, как превратиться в постоянно агрессивного ежа, использующего свои нежные иголки, чтобы столкнуться с реальностью, в результате чего он оказывался избитым и помятым. Его нынешнее состояние было скорее не временным примирением с собой в соответствии с ожиданиями семьи, а скорее тем, что он так и не смог по-настоящему принять свою идентичность Альфа уровня Е. Даже если на поверхности он казался безразличным и равнодушным, на самом деле он больше всех заботился об этих злобных и благонамеренных оценках, погружаясь в невыраженную обиду.

«Но в этом нет твоей вины. Прогнозы дифференциации дают врачи, но даже самый точный ИИ не может точно предсказать будущее. Ожидания возникают потому, что люди хотят, чтобы все развивалось в желаемом ими направлении. Ты не несешь ответственности за несостоятельность чужих ожиданий. Разве твои семнадцать лет существования как Ши Цзянь исчезают вместе с твоим досье только потому, что ты не дифференцировался в Омегу класса S?»

Голос Гу Шиюня был глубоким, как величественная гора, давящая на облака, но в нем было что-то странно убедительное.

Ши Цзянь бесчисленное количество раз утешал себя этими словами, но услышать их от кого-то другого, сказанные с такой мягкой убедительностью, было совсем другое дело. Он был похож на испуганного бродячего котенка, которого успокаивают, и его бурные эмоции внезапно улеглись.

Гу Шиюнь сказал: «Я видел и ребенка, которым ты был, и тебя настоящего. Даже изгиб твоих глаз, когда ты грустишь, точно такой же. Альфа ты или Омега, в моих глазах ты просто ты».

Затем он спросил: «Могу я увидеть твою духовную сущность? Я слышал, что она очень особенная — единственная бабочка «Рассветная вспышка» в Федерации».

Ши Цзянь тихонько хмыкнул в знак согласия и раскрыл ладони. Бело-зеленый полукруглый кокон, размером примерно с половину его ладони, тихо лежал там, а его внешняя оболочка испускала слабое свечение.

Гу Шиюнь, казалось, хотел прикоснуться к нему, но его пальцы остановились всего в нескольких сантиметрах от него, не соприкасаясь. Тем не менее, пальцы Ши Цзяня все еще дрожали, как будто к ним прикоснулись.

«Он очень красивый», — сказал он.

«Когда ты станешь взрослым, он вырвется из кокона и станет бабочкой».

Бабочка...

Ши Цзянь опустил голову, рассеянно глядя на кокон.

На Ши Цзяня накинули тяжелое пальто, еще теплое от тепла тела. Гу Шиюнь, теперь одетый только в аккуратно отглаженную белую рубашку, тихо сказал: «Мне еще нужно дождаться отчета. Тебе лучше сначала поспать».

Идеально откалиброванное давление массажного кресла давало Ши Цзяню ощущение комфорта. Он обхватил большое пальто Альфы, еще больше съжившись в нем, и прижался носом к воротнику. Он не почувствовал феромонов, только слабый, чистый аромат розового мыла.

Как он может быть таким высоким? Его пальто достаточно большое, чтобы служить одеялом...

— сонно подумал Ши Цзянь.

С точки зрения Гу Шиюня, красивый маленький ежик, теперь успокоившийся, свернулся калачиком в его одежде, полностью пропитанной его запахом, и послушно кивнул.

Углы его рта, обычно сжатые в твердой линии, медленно и незаметно изогнулись вверх.

Ши Цзянь очень хорошо выспался. Когда он открыл глаза, яркая зелень проникла в комнату через окно. Солнечный свет, разбитый ветвями и листьями, рассыпался пятнами на светлом полу лазарета, колыхаясь вместе с кронами деревьев на ветру.

Яркое, спокойное утро.

Ши Цзянь зашевелился. Пальто все еще было накинуто на него, но Альфа, который тихо сидел у окна, исчез. Когда он попытался сесть, он услышал звук, похожий на стук капель дождя —

Ши Цзянь опустил взгляд, на мгновение ошеломленный.

Десятки бабочек, сложенных из листьев гинкго, выпали из его объятий, упали на рассеянный свет на полу и затрепетали, как будто готовые взлететь при малейшем дуновении ветра.

<http://bllate.org/book/15712/1405251>